

Пузырёк с лекарством покатился по земле, издавая звонкий, стеклянный перезвон.

Взгляд юноши был холодным и пустым. Отравленное костяное жало в его руке мелко дрожало, отливая зловещим зелёным светом.

Пэй Цун знал, каков он сам был в этом возрасте.

Подозрительный, недоверчивый, холодный. Любая, даже самая маленькая доброта будет им воспринята как продуманный коварный план.

Он позволил ампуле докатиться до своих ног и не пошевелился. С того момента, как его чуть не прикончили, и до нынешнего момента юноша не произнёс ни слова. Змеиная холодность в его глазах брала верх, мороза душу.

Пэй Цун знал себя, и именно поэтому понимал, как вести себя с этим маленьким психопатом.

Не с помощью доброты, а через давление.

Юноша потирал спрятанное в рукаве грубое костяное жало. Новорожденный змеиный язык с горьковатым ядом издавал едва слышное шипение.

«Доброта» Пэй Цуна была подобна капле воды, упавшей на выжженную землю. Никакого отклика она не вызвала, последовала лишь раздражающая тишина.

Пэй Цун вытащил только что отобранный у бандитов плазменный кинжал и бросил его юноше.

Опыта не хватало, учителя не было, и жало он обрабатывал неправильно, из-за чего оно получилось грубым и ломким. Пэй Цун не против был показать, как правильно разделявать тушу.

— У такого отребья, как он, шип из позвоночника можно извлечь одним скользящим ударом, — он ткнул пальцем в сторону трупа, — и он будет куда лучше того, что ты прячешь в рукаве.

Пэй Цун не помнил, как именно он, слабый, справился с этим подонком в прошлой жизни, но наверняка сумел его убить.

Сейчас он вмешался раньше, чтобы хоть немного заработать «очков доверия».

Пусть и мизерных.

Каждый нерв в теле юноши напрягся до предела. Зрачки на мгновение сузились, но почти сразу вернули себе прежнюю каменную пустоту.

Пэй Цун распознал его намерение напасть. Осознав, что в открытую ничего не добьётся, юноша лишь склонил голову, откладывая план на потом.

Его хвост бессильно обвис, а рана по-прежнему была тёмно-красной и липкой.

Юноша поднял плазменный кинжал. Лезвие прочертило на земле тонкую линию в безмолвном предупреждении Пэй Цуну.

Губы слегка шевельнулись, и он наконец заговорил. Его голос был хриплым, будто камни скреблись о гортань:

— Инфу... Чего ты хочешь?

Охотник наконец услышал, как зверь ступил в капкан.

Пэй Цун ответил:

— Чего я хочу? Всё просто... Мне интересно посмотреть, как долго ты ещё продержишься.

Между ними заструилось скрытое напряжение, таящее угрозу.

Пэй Цун смотрел на юношу, и усмешка на его губах становилась всё шире.

Но взгляд юноши оставался ледяным, словно вечная мерзлота.

— Не волнуйся, сейчас убивать тебя я не планирую.

На руках у юноши вздулись вены. Было видно, что он не верит ни единому слову Пэй Цуна.

«Молодец. Вот так и надо, быть в меру бдительным, — Пэй Цун мысленно похвалил себя. — Если бы «я» так легко взял лекарство, то уже давно бы умер раз восемьсот.»

Конечно, если бы тот действительно решился напасть, Пэй Цун был бы ещё довольнее.

— Раз ты знаешь меня, то должен понимать: сейчас ты мне не соперник.

Во взгляде юноши мелькнула тень унижения.

— Как тебя зовут? — снова спросил Пэй Цун.

Не то что юноша, сам Пэй Цун уже не помнил, какое у него было настоящее имя. Оно потеряло всякий смысл очень и очень давно.

На планете Мусора имя - всего лишь кличка, зачастую даже менее полезная, чем монетка.

Загрязненные бесчинствовали на этих землях, отнимали ресурсы, издевались над слабыми, а в голодные времена могли расчленив труп, высушить плоть и, обжарив на огне, утолить голод.

«Ты, чудовище, даже собак и не стоишь», — это были первые слова, которые Пэй Цун услышал на проверке в главном городе. Окружающие смотрели на него со смешком и презрением, а в глазах читалось отвращение и холод.

Он привык к таким взглядам. Его генетическое загрязнение было слишком серьёзным: змеиный хвост, вертикальные зрачки, а в голоде самопроизвольно высывающийся раздвоенный язык...

Всё это делало его похожим на какого-то недочеловека. Даже жители загрязнённых зон смотрели на него с брезгливостью.

Большинство убийств он совершал не из ненависти, а ради выживания.

Пэй Цун помнил звук, когда клинок входил в плоть, помнил ярость и ужас в глазах противника.

Эту боль, отчаяние, нежелание смириться.

Выражение лица у каждого, кого убивал такой «монстр», как он, было удивительно похожим.

Убийства давали Пэй Цуну почувствовать, что он ещё жив.

Поэтому он выработал привычку менять имена; «одалживать» имя последнего убитого им человека и жить под его личиной какое-то время, пока не убивал следующего, у кого было имя.

— Чезаре, — ответил юноша.

Скорее всего, это было имя лидера той команды, которую он только что зарезал.

Пэй Цун, конечно, знал об этой привычке. Просто ему было интересно сыграть в угадайку.

— Чезаре?

«Тц, как и ожидалось, не то.»

— А ты? — неожиданно спросил Чезаре.

Пэй Цун слегка приподнял бровь, будто удивлённый таким встречным вопросом, но быстро вернул своё обычное безразличное выражение лица.

— Имя не важно. Всё равно ты его не запомнишь.

— Я хочу знать, — упрямо повторил Чезаре. Его тёмный взгляд был острым и ядовитым, будто зверь в засаде, ждущий момента для смертельного прыжка.

Наконец на лице Пэй Цуна появилась искренняя, пусть и лёгкая, улыбка. Он ответил:

— Пэй Цун.

«Пэй Цун. Пэй Цун.»

Чезаре понравилось это имя - «Пэй Цун».

Понравилось так, что он жаждал воспользоваться им в следующую же секунду.

Пэй Цун стоял на месте и лениво поддел ногой пробирку.

— В твоём состоянии тянуть время - не самая лучшая идея.

Змеиная чешуя на теле Чезаре мелко дрожала от ледяного ветра, но лицо его оставалось каменным.

— Чего ты хочешь? — голос Чезаре был сухим.

— Гены высшего белоколючатого аспида. Способны парализовать жертву, лишить её воли к действию. На чёрном рынке такой ген действительно дорого стоит.

Улыбка в глазах Пэй Цуна была подобна отравленному крючку, медленно затягивающемуся, поджидающему, когда добыча клюнет.

— Если ты попробуешь что-то сделать, уверяю, ты ничего не получишь, — Чезаре произносил каждое слово отчётливо и медленно.

Пэй Цун не скрывал своих ран.

Более того, он намеренно дал Чезаре их разглядеть, чтобы тот понял: он серьёзно ранен, его силы ослаблены, и именно поэтому он здесь тратит время на переговоры.

Пэй Цун не хотел давить слишком сильно, чтобы Чезаре не решился на отчаянный шаг. Он готов был дать юноше призрачный шанс выжить.

Ведь сам мальчик хотел жить сильнее, чем кто-либо другой.

Пока есть хоть малейшая надежда, Чезаре будет терпеть, скрываться и соглашаться на любые, даже самые нелепые требования. Его инстинкт самосохранения заставит его временно проглотить ненависть к Инфу.

И послушно стать лезвием в его руках.

— Если бы я действительно хотел твои гены, разве ты сейчас сидел бы здесь и разговаривал со мной?

— У меня на тебя другие планы.

В голове Чезаре уже десятки раз проигрывались возможные пути к бегству, но он понимал: сила Инфу несоизмерима с его собственной, а безрассудная атака будет равносильна самоубийству.

Он всё время оценивал свои шансы на выживание.

Противник не стал убивать его сразу.

Сердце Чезаре, уже похожее на холодный пепел, снова начало слабо биться. Сильнейший инстинкт самосохранения никогда не позволял ему сдаваться просто так.

Чезаре очень не нравился взгляд Пэй Цуна. Тот смотрел на него, как на послушного щенка, не придавая никакого значения его угрозам.

В глазах Пэй Цуна он был не более, чем жалким генетическим мусором с тремя-четырьмя видами загрязнения, тем, кого бьют, а он не смеет ответить, тем, кто прячется, получая серьезные раны.

Ему вдруг пришло в голову: Инфу не знает, что он только что перерезал глотки семерым. Не знает, какое он, Чезаре, отъявленное, жестокое чудовище, по уши в грехах.

Он лишь недавно пробудил змеиные гены, а остальные, беспорядочные загрязнения были временно подавлены. Поэтому Инфу и не заметил, что он на самом деле тяжело загрязнённый, не способный удерживать человеческий облик.

Чезаре вспомнил те дни, когда он его преследовал.

Этот пронзительный, преследующий взгляд, злое наблюдение из темноты, холодное, как ледяной дождь, пробирающее до костей... оно опутывало, сводило с ума его нервы.

Оцепеневший, заторможенный разум словно обжёгся.

Чезаре отчётливо почувствовал, как в его крови зашевелились змеиные гены, срочно выделяя смертельный яд.

Его взгляд становился всё мрачнее, и даже он сам удивился тёмным, странным мыслям, всплывавшим в сознании:

Впервые его грязные, потаённые желания перевесили инстинкт самосохранения.

Ему было мало просто с трудом выжить в руках Инфу. Какая польза от простого существования? Вот если бы он смог отомстить Инфу руками такого «монстра», как он, то и смерть стоила бы того.

Он хотел куда большего. Чего-то более опасного, более дерзкого, почти безумного.

<http://bllate.org/book/14659/1301744>